Хотен Блудович

Во стольнём-то городе во Киеве
У ласкова князя у Владимера
'его было пированьё, был поцесьён пир.
Да и было на пиру у ёго две вдовы:
Да одна была Офимья Цюсова жона,
А друга была Овдотья Блудова жона.
Ише в та поре Овдотья Блудова жона
Наливала цяру зелена вина,
Подносила Офимьи Цюсовой жоны,
А сама говорила таково слово:
— Уж ты ой еси, Офимья Цюсова жона!
Ты прими у мня цяру зелена вина
Да выпей цяроцьку всю досуха.
У меня есь Хотенушко сын Блудовиць,
У тебя есть Ценна прекрасная.
Ты дашь ли, не дашь, или откажошь-то?
Ише в та поре Офимья Цюсова жона
Принела у ей цяру зелена вина,
Сама вылила ей да на белы груди,
Облила у ей портищо во пятьсот рублей,
А сама говорила таково слово:
— Уж ты ой еси, Овдотья Блудова жона!
А муж-то был да у тя Блудищо,
Да и сын-от родилсэ уродищо,
Он уродищо, куря подслепое:
На коей день гре́нёт, дак зерьня найдёт
А на тот де день да куря сыт живет;
На коей день не гре́нёт, зерьня не найдет
А на тот де день да куря голодно.
Ише в та поре Овдотье за беду стало,
За велику досаду показалосе.
Пошла Овдотья со чесна пиру,
Со чесна пиру да княженецкого,
И пове́ся идет да буйну голову,
Потопя́ идет да оци ясные

И во мамушку и во сыру землю.
А настрету ей Хотенушко сын Блудовиць,
Он и сам говорит да таково слово:
— Уж ты мать, моя мать и государына!
Ты що идешь со чесна пиру не весела,
Со чесна пиру да княженецкого?
Ты повеся идешь да буйну голову,
Потопя идешь да оци ясные
И во матушку да во сыру землю.
Але место тебе было от князя не по вотцины?
Але стольники до тебя не ласковы,
Але цяшьники да не приятливы?
Але пивным стоканом тя обносили,
Але цяры с зеленым вином да не в доход дошли?
Але пьяниця да надсмеялясе,
И безумниця ле навалилясе,
Ле невежа нашла да небылым словом?
Говорит ёму Овдотья Блудова жона:
— Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудовиць!
Мне-ка место от князя всё было по вотцины;
Меня пивным стоканом не обносили,
И цяры с зеленым вином да всё в доход дошли;
И не пьяниця и не надсмеялясе,
Не безумниця не навалилясе,
Не невежа не нашла и небылым словом.
Нас было на пиру да только две вдовы:
Я одна была Овдотья Блудова жона,
А друга была Офимья Цюсова жона.
Наливала я цяру зелена вина,
Подносила Офимьи Цюсовой жоны;
Я сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Офимья Цюсова жона!
Ты прими у мня цяру зелена вина,
Да ты выпей цяроцьку всю досуха.
У меня есть Хотенушко сын Блудовиць,
У тебя есь Цейна прекрасная.
Ты уж дашь, ле не дашь, или откажошь-то?»
Ише в та поре Офимья Цюсова жона
Приняла у мня цяру зелена вина,

Сама вылила мне да на белы груди,
А облила у мня портищо во пятьсот рублей;
Да сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Овдотья Блудова жона!
Да муж-от был да у тя Блудищо,
Да и сын-от родилосе уродищо,
Уродищо, куря подслепое:
На коей день гренёт, дак зерьня найдёт,
А на тот де день да куре сыт живет;
На коей день не гренёт, зерьня не́ найдет
А на тот де день да куре голодно».
Ишше в та поре Хотенушко сын Блудовиць,
Воротя де он своя добра коня,
Он поехал по стольнёму по городу.
Он доехал до терема Цюсовьина.
Он ткнул копьем да в широки ворота,
На коньи вынёс ворота середи двора, —
Тут столбики да помитусились,
Цясты мелки перила приосыпались.
Тут выглядывала Цейна прекрасная
И выглядывала да за окошецько,
А сама говорила таково слово:
— Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудовицы!
Отець-от был да у тя Блудищо,
Да и ты родилосе уродищо,
Ты уродищо, куря подслепое:
Ты уж ездишь по стольнёму-ту городу,
Ты уж ездишь по городу, уродуешь,
Ты уродуешь домы-ти вдовиные:
На коей день гренёшь, дак зерьня найдёшь,
Ты на тот де день да, куря, сыт живёшь;
На коей день не гренёшь, зерьня не́ найдешь
А на тот де день да, куря, голодно.
Он и шиб как палицей в высок терям, —
Он и сшиб терям да по окошкам сдолой,
Одва цють она за лавку увалиласе.
Ише в та поре Офимья Цюсова жона
Идет Офимья со чесна пиру,
Со чесна пиру княженецького,

А сама говорит да таково слово:
— Кажись, не было не бури и не падёры,
Моё домишко всё да развоёвано.
Как стрецят ей Цейна прекрасная,
А сама говорит да таково слово:
— Уж ты мать, моя мать и восударына!
Наежжало этта Хотенушко сын Блудовиць;
Он ткнул копьём да в широки ворота,
На копьи вынёс ворота середи двора, —
Тут столбики да помитусились,
Цясты мелки перила да приосыпались.
Я выглядывала да за окошецько
И сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудовицы
Отец-от был да у тя Блудищо,
И ты родилось уродищо,
Ты уродищо, куря подслепое:
Ты уж ездишь по стольнёму-ту городу,
Ты уж ездишь по городу, уродуешь,
Ты уродуешь домы-ти вдовиные».
Он и шиб как палицей в высок терям, —
Он сшиб терям да по окошкам сдолой,
Одва цють я за лавку увалиласе.
Ише тут Офимьи за беду стало,
За велику досаду показалосе.
Ушла Офимья ко князю ко Владимеру,
Сама говорила таково слово:
— Государь князь Владимер стольнекиевской!
Уж ты дай мне суправы на Хотенушка,
На Хотенушка да сына Блудова.
Говорит князь Владимер стольнекиевьской:
— Уж ты ой еси, Офимья Цюсова жона!
Ты хошь, и тысецю бери; да хошь, и две бери;
А сверхь де того, да скольки надобно.
Отшибите у Хотевка буйну голову:
По Хотенки отыску не будёт же.
Ишше в та поре Офимья Цюсова жона
Пошла нанесла силы три тысици,
Посылат трех сынов да воёводами.

Поезжают дети, сами плацют-то,
Они сами говорят да таково слово:
— Уж ты мать, наша мать и государына!
Не побить нам Хотенка на цистом поли,
Потереть нам свои да буйны головы.
Ведь когда был опсажон да стольне(й) Киев-град
И той неволею великою,
И злыма поганыма тотарами, —
Он повыкупил да и повыруцил
Из той из неволи из великое,
Из злых из поганых из тотаровей.
Пошла тут сила-та Цюсовина,
Пошла тут сила на цисто полё;
Поехали дети, сами плацют-то.
Ише в та поре Хотенушко сын Блудовиць,
Он завидял силу на цистом поли,
Он поехал к силы сам и спрашиват:
— Уж вы ой еси, сила вся Цюсовина!
Вы охоця сила, ли невольняя?
Отвецят тут сила всё Цюсовина:
— Мы охоця сила всё наёмная.
Он и уцял тут по силы как поезживать:
Он куда приворотит, улицей валит;
Назад отмахнет, дак целой площадью.
Он прибил тут всю силу до едного,
Он и трех-то братей тех живьем схватал,
Живьем-то схватал да волосами связал,
Волосаии-ти связал да церез конь сметал,
Церез конь сметал и ко шатру привёз.
Ждала Офимья силу из циста поля,
Не могла она силы дождатисе.
Пошла нанела опять силы три тысици,
Посылат трех сынов да воёводами.
Поежджают дети, сами плацют-то:
— Уж ты мать, наша мать и восударына!
Не побить нам Хотенка на цистом поли,
Потерять нам свои да буйны головы.
Говорит тут Офимья Цюсова жона:
— Уж вы дети, мои дети всё рожоные!

Я бы лутше вас родила деветь ка́меней,
Снесла каменьё во быстру реку, —
То бы мелким судам да ходу не было,
Больши суда да всё розби́вало.
Поехали дети на цисто полё.
Завидел Хотенушко сын Блудовиць,
Поехал к силы он к Цюсовиной,
Он у силы-то да и сам спрашиват:
— Вы охвоця сила, ли невольняя?
Отвецят тут сила всё Цюсовина:
— Мы охоця сила всё наёмная.
Он и уцял тут по силы-то поезживать:
Он куда приворотит, улицей валит,
А назад отмахнёт, дак целой площадью.
Он прибил тут всю силу до едного;
Он трех-то братей тех живьем схватал,
Живьем-то схватал да волосами связал,
Полосами-ти связал и церез конь смётал,
Церез конь смётал и ко шатру привёз.
Ждала Офимья силу из циста поля,
Не могла опять силы дождатисе.
Опеть пошла наняла силы три тысици,
Посылат трех сынов да воёводами.
Поежджают дети, сами плацют-то:
— Уж ты мать, наша мать и восударына!
Не побить нам Хотенка и на цистом поли,
Потереть нам свои да буйны головы.
Ведь когда был опсажон да стольне(й) Киев-град
И той неволею великою,
И злыма поганыма тотарами, —
Он повыкупил да и повыруцил
Из той из неволи из великое,
Из злых из поганых из тотаровей.
— Уж вы дети, мои дети рожоные!
Я бы лутше вас родила деветь ка́меней,
Снесла каменьё во быстру реку, —
То бы мелким судам да ходу не было,
Больши-ти суда да всё розби́вало.
Пошла тут сила всё Цюсовина,

Поехали дети, сами плацют-то.
Ише в та поре Хотенушко сын Блудовиць
Завидял силу на цистом поли,
Он приехал к силы-то к Цюсовиной,
Он у силы-то да и сам спрашиват:
— Вы охоця сила или невольняя?
Говорит тут сила всё Цюсовина:
— Мы охоця сила всё наёмная.
Он и уцял тут по силы-то поеждживать:
Он куда приворотит, улицей валит,
Назад отмахнет, дак целой площадью.
Он прибил тут всю силу до едного;
Он и трех-то братей тех живьем схватал,
Живьем схватал да волосами связал,
Волосами-то связал да церез конь смётал,
Церез конь смётал да ко шатру привёз.
Ждала Офимья силу из циста поля,
Не могла она силы дождатисе.
Пошла она к Хотенку сыну Блудову,
А сама говорит да таково слово:
— Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудовиць!
Ты возьми мою Цейну прекрасную,
Ты отдай мне деветь сынов на выкуп всех.
Говорит тут Хотенушко сын Блудовиць:
— Уж ты ой еси, офимья Цюсова жона!
Мне не нать твоя Цейна прекрасная.
Ты обсыпь мое востро копье,
Ты обсыпь возьми да златом-серебром —
Долможáно его ратовищо семи сажон
От насадоцёк до прысадоцёк,
Ты обсыпь возьми да златом-серебром,
Златом-серебром да скатным жемцюгом.
Я отдам те деветь сынов на выкуп всех.
Ише в та поре Офимья Цюсова жона
Покатила цисто серебро телегами,
Красно золото да то ордыньскою,
Обсыпала она у его востро копьё,
Обсыпала она да златом-серебром,
Златом-серебром да скатным жемцюгом, —

Не хватило у ей да одной цетьверти.
Говорит тут Офимья Цюсова жона:
— Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудовиць!
Ты возьми мою Цейну прекрасную,
Ты отдай мне деветь сынов на выкуп всех.
Говорит тут Хотенушко сын Блудовиць:
— Мне не нать твоя Цейна прекрасная,
Уж ты всё обсыпь да златом-серебром,
Златом-серебром да скатным жемцюгом,
Я отдам те деветь сынов на выкуп всех.
Говорит кнезь Владимер стольнекиевьской:
— Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудовиць!
Ты возьми у ей Цейну прекрасную.
Говорит тут Хотенушко сын Блудовиць:
— Я возьму у ей Цейну прекрасную,
Я возьму ею не за себя замуж,
Я за своего да слугу верного
А за того же за Мишку всё за парабка.
Говорит кнезь Владимер стольнекиевьской:
— Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудовиць!
Ты возьми ею да за себя замýж;
Ише, право, она да не худых родов,
Она ведь уж да роду царьского.
Тут и взял Хотенко за себя взамуж,
Ей отдал деветь сынов на выкуп всех.
Затем-то Хотенушку славы поют,
Славы поют да старину скажут.

(Записано А. Д. Григорьевым в 1901 г. от Анны Петровны Чуповой, 72 лет, в д. Ки́льца на Мезени)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899 — 1901 гг., т. III — СПб., 1910.